

УДК 303.4; 316.3/.4; 323.1

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Европейского центра по вопросам меньшинств, Фленсбург, Германия

Парадигма транзита, неопатримониализм и этнические проблемы в постсоветском пространстве

Аннотация

В статье сделана попытка проанализировать возможности, которые современные теории неопатримониализма открывают для анализа этнических отношений в странах бывшего Советского Союза. До недавнего времени анализ этнической политики в постсоветском пространстве в значительной степени формировался парадигмой транзита и, в частности, теориями демократизации. В то же время парадигма транзита продемонстрировала свою неадекватность для анализа посткоммунистической трансформации, и на первый план вышли теории неопатримониализма в качестве наиболее перспективной объяснительной схемы. Неопатримониализм, понимаемый исходя из разных перспектив и в разном масштабе — как черта политических практик, как тип режима или как тип социальной системы, доказал свою применимость в качестве теоретического инструмента для описания “развивающихся” стран Африки, Азии и Латинской Америки и в настоящее время все чаще применяется в отношении бывших советских обществ. Автор утверждает, что неопатримониалистская парадигма позволяет исследовать такие особенности этнической политики, как общая лояльность этнических меньшинств по отношению к современным “национализирующимся” государствам; симбиоз формальных и неформальных институтов; режимы легитимации, имеющие отношение к политике разнообразия; закономерности общественной мобилизации на этнической основе и кооптации этнических активистов в институты мейнстрима; особенности формирования социальных сетей и мобильности.

Ключевые слова: *посткоммунизм, неопатримониализм, парадигма транзита, политика разнообразия, патронат, традиционная легитимация, политическая мобилизация, социальные сети*

Статья посвящена возможностям теорий неопатримониализма для анализа этнических отношений в странах бывшего СССР. Рассматриваемые

вопросы являются частью более широкой проблемы — как анализировать постсоветские страны в качестве социальных систем и политических режимов. По мнению многих авторитетных комментаторов, нахождение адекватных способов описания постсоветских реалий пока остается серьезной исследовательской задачей [Панов, 2010; Рябов, 2010; Снеговая, 2013; Gel'man, 2016]. Ее суть в том, что используемые теоретические модели и системы понятий, как правило, не отражают — полностью или частично — эмпирические реалии и не предлагают связных и непротиворечивых объяснительных схем.

Я исхожу из допущения, что данная эпистемиологическая проблема полностью относится к описанию и анализу этнических отношений, складывающихся в странах бывшего СССР. Данная статья не является попыткой предложить оригинальный и тем более цельный теоретический подход, но приглашает к обсуждению возможностей, которые предоставляет одна все более широко используемая теоретическая рамка, обозначаемая как неопатримониализм.

Здесь и далее выражения “этническая проблематика” или “этнические отношения” используются как собирательные термины, обозначающие различные практики, связанные с этнической и культурной неоднородностью общества и ее проекциями на политическую сферу. Этническая проблематика охватывает, в частности, такие сегменты общественных отношений, как конфигурирование нации в качестве политики и культурной общности (так называемое нациестроительство); институционализация этнических различий и групповых разделений в политике и праве; политическая мобилизация и самоорганизация на этнической основе; а также публично значимые рефлексии по поводу этнической неоднородности, в том числе этнического измерения социальной мобильности и участия в общественных делах.

Отправная точка дальнейших рассуждений состоит в том, что этническая проблематика имеет большое значение для постсоветских государств не только из-за значительной (хотя бы по формальным показателям) неоднородности населения большинства из них, но и в силу неустойчивой институционализации этой неоднородности или, с иной точки зрения, неконсолидированности сообществ граждан как политий. Так, по мнению многих комментаторов, процессы, следующие за падением авторитарных и тоталитарных режимов в Центральной и Восточной Европе, отличаются от происходившего в государствах Южной Европы, Азии и Латинской Америки после ухода со сцены их диктатур именно тем, что многие посткоммунистические страны столкнулись с вызовами нациестроительства и национальной консолидации, которых не было в других географических ареалах [Kuzio, 2001]. При этом среди стимулов для анализа этнических отношений в постсоветском пространстве можно отметить не только специфику региона, но и, напротив, сходство многих паттернов внутренней политики “управления многообразием” “сверху” и этнического активизма “снизу” в странах “развитой” демократии, с одной стороны, и в странах бывшего СССР — с другой. И те, и другие используют во многом сходные законодательные техники и сходные риторические стратегии, и, если исходить из глубоких различий между существующими там и там политическими режимами и социальными системами, то подобное сходство вызывает вопросы относительно его причин и основ [Беспмятных и др., 2014].

Начавшиеся в странах Центральной Европы и Евразии после падения “ленинистских” режимов (то есть режимов монопольного правления пар-

тий ленинского типа) и государственного социализма [Ekiert, Hanson 2003: p. 19] трансформации описывались и объяснялись в рамках парадигмы транзита, одним из проявлений которой являются теории демократизации. Речь может идти именно о парадигме, объединяющей ряд объяснительных моделей разной степени генерализации, а не о единой теории [Капустин, 2001; Carothers, 2002; O'Donnell, 1996; Parrot, 1997].

С начала 2000-х годов транзитологические построения подвергаются по ряду причин обоснованной критике [Капустин, 2001; Carothers, 2002]. Последняя в общем виде вызвана тем, что за более чем 20 лет, прошедших с момента распада СССР и “лагеря социализма” в целом, не было придумано адекватного способа описания характера и направленности произошедших трансформаций и тем более состояния, достигнутого этими странами. Категории “посткоммунистических” и “переходных” обществ оказываются малосодержательными [Рябов, 2010; Carothers, 2002]. Во-первых, отсутствует связное объяснение разнообразия эмпирических проявлений “транзита”. Направления, траектории и результаты движения разных стран оказываются различными до несопоставимости. Во-вторых, вызывает вопросы и сомнения нормативный компонент транзитологической парадигмы: конечная точка “перехода” считается заранее установленной, а предмет анализа сводится только к деталям, к “драматургии” перехода, по выражению Бориса Капустина [Капустин, 2001]. В-третьих, нормативная заданность и механистическое понимание перехода как переноса определенных институтов из стран развитой западной демократии и их внедрения в новой среде не дают инструментария для анализа происходящих процессов, так как их движущие силы, социальные условия и содержание оказываются во многом, если не целиком, вынесенными за скобки [Афанасьев, 2000: с. 5].

Можно добавить, что парадигма “транзита” или, в данном случае, “демократизации” выступает как реинкарнация теорий модернизации [O'Donnell, 1996], дискредитированных и сошедших со сцены еще в 1960-е годы именно в качестве теорий, но не, как оказалось, стиля мышления [Капустин, 2001]. Паллиативные объяснения, сводящиеся к тому, что в постсоветских странах были запущены процессы, одинаковые в основе своей по содержанию и направленности, но по стечению обстоятельств в некоторых местах они проходят с задержками или дефектами и выглядят не особенно убедительно в силу как существенных отличий от искомого идеала, так и устойчивости утвердившихся моделей. Компромиссные категории типа “дефектной демократии” или “гибридного режима” [Панов, 2010: с. 27; Levitsky, Way, 2002] при этом обладают ограниченной аналитической ценностью и не предлагают приемлемых объяснений [Афанасьев, 2000; Чайко, 2013].

Большинство аналитиков, по-разному оценивая успешность конкретных изменений в отдельных странах, сходится в том, что значительной части постсоветских государств не удалось создать устойчивую и прозрачную институциональную среду, в том числе обеспечить верховенство закона, гарантии частной собственности, политическую конкуренцию и сменяемость элит на основе широкого демократического участия [Фурман, 2007; Gelman, 2016]. В тех или иных формах и в разной степени во многих посткоммунистических странах произошла “приватизация” государства различными элитными группами интересов; закрытая и отчужденная от остального общества элита оказывается незаинтересованной и неспособной создать

устойчивые формальные институты, предпочитая теневые договоренности и отношения [Гельман, 2010; Рябов, 2010]. При этом все “гибридные” модели обнаруживают способность к выживанию и воспроизводству в долгосрочной перспективе [Фисун, 2006; Derluguian, 2005; Gel'man, 2016]. Можно предполагать, что речь идет об ином качестве — об устойчивых политических режимах и социальных системах, существенно отличающихся от моделей, установившихся в странах “старой” западной демократии при наличии внешнего сходства по ряду параметров.

Едва ли не единственная теоретическая рамка, позволяющая на данном этапе удовлетворительно объяснить основные черты установившегося социального и политического порядка (при всех его вариациях в отдельных странах), связана с понятием “неопатримониализм”. Теории неопатримониализма развивают концепцию патримониального господства Макса Вебера, которая описывает осуществление публичной власти в форме частного владения, что было свойственно многим обществам до стадии модерна [Вебер, 2007].

Начиная с конца 1960-х годов все большее число исследователей адаптирует идеи М. Вебера для описания реалий новых независимых стран Африки, а затем также Латинской Америки и Азии, где номинально существующие институты рыночной экономики, парламентаризма и многопартийной системы функционируют по-иному и с иными результатами, чем в развитых капиталистических странах [Панов, 2010]. Аналитики обратили внимание на такие черты этих обществ, как развитые клиентелл, зависимость социальной мобильности и распределения ресурсов от личной или политической лояльности и принадлежности к патрон-клиентным группам [Roth, 1968; Theobald, 1982; Eisenstadt, 1973; Bratton, van de Walle, 1994].

Неопатримониализм можно рассматривать как общую рамку для описания патримониальных отношений в обществе модерна при номинальном существовании рыночной экономики, рациональной бюрократии и правового регулирования [Eisenstadt, 1973; Theobald, 1982; Фисун, 2006: с. 156–173]. Иными словами, неопатримониализм предстаёт прежде всего как симбиоз или синтез рационально-легального управления с устойчивыми практиками осуществления власти, основанными на личных лояльностях [Эйзенштадт, 1999: с. 327–356]. Неопатримониализм может рассматриваться шире или уже — как тип “убеждений и практик” в политических отношениях [Roth, 1968: р. 197], как тип политического режима [Bratton, van de Walle 1994: р. 454–455] или даже как “политическая и экономическая система” [Gel'man, 2016].

Неопатримониализм не идеален как объяснительная рамка; его уязвимость связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, клиентелы и неформальные институты встречаются в разных обществах, в том числе странах развитой демократии [Bratton, van de Walle, 1994: р. 459]. С другой — в неевропейских развивающихся странах институты рыночной экономики, представительной демократии, многопартийности, рациональной бюрократии и судов не обязательно являются имитациями и могут эффективно функционировать на основе формализованных правовых норм, сосуществуя с неопатримониальными отношениями [Bach, 2011; Erdmann, Engel, 2007]. Соответственно, возникают вопросы относительно специфичности неопатримониальных отношений и возможности выделения на этой основе

особых общественных моделей и политических режимов. Следуя за рядом авторов, можно сделать допущение, что если ключевые характеристики конкретного общества, такие как функционирование институтов в социальных интеракциях, зависят от частных интересов в рамках отношений господства, то допустимо говорить об особых типах общественного устройства и политических режимов [Erdmann, Engel, 2007: p. 104–106, 114].

В последние два десятилетия неопатримониалистская рамка все чаще успешно используется для описания посткоммунистических обществ [Фисун, 2006; Hanson, 2010; Hale, 2007; van Zon, 2008: p. 82–108; Derluigian, 2005]. Ранее, с начала 1980-х годов, исходя из сходной теоретической перспективы удавалось также описывать советские реалии и их основные черты [Масловский, 1997: с. 24–25], и приоритет здесь могут оспаривать Михаил Восленский [Восленский, 1991]; (см. также: [Чайко, 2013: с. 139]), Кеннет Джовитт [Jowitt, 1983] и Томас Ригби [Rigby, 1990].

В настоящее время сформировался значительный корпус публикаций, преимущественно политологических, об особенностях постсоветских обществ. В количественном отношении заметное место среди них занимают тексты, выпущенные российскими авторами на российском же материале (см.: [Афанасьев, 2000; Масловский, 1997; Холодковский, 2009]). Следует отметить, что меньшая часть аналитиков применяет теории неопатримониализма буквально; большая часть исследователей приходят к аналогичным выводам, используя иные, хотя и близкие по форме и содержанию, подходы и категории [Панов, 2010: с. 27]. Разные авторы, фактически работающие в неопатримониалистской парадигме, акцентируют разные черты и компоненты постсоветских реалий, как-то: персонифицированные клиентелы [Фисун, 2006], классовую (“сословную”) структуру, формируемую государственной системой извлечения и перераспределения административной ренты¹ [Афанасьев, 2000; Кордонский, 2008], разрыв между макро- и микро-социальной интеграцией [Хлопин, 1997], преобладание неформальных институтов [Гельман, 2010; Ledeneva, 1998], легитимации, отличные от рационально-легальной [Чайко, 2013].

Этническая проблематика, хотя и является важным элементом общественной и политической жизни большинства постсоветских стран, остается тем сегментом общественных отношений, где не хватает адекватного языка описания. В этой тематической области неопатримониалистская парадигма (как бы она ни обозначалась) пока не нашла широкого применения.

Изучение этнических отношений в постсоветских обществах в большинстве случаев ведется в основном исходя из трех теоретических перспектив: национализма и нациестроительства, этнических конфликтов; демократического транзита [Hughes, Sasse 2002: p. 22]. Во всех из них прослеживаются два разных, слабо отрефлексированных, но зачастую пересекающихся, дополняющих друг друга и устойчивых подхода. Первый представляет собой вариации уже упоминавшейся парадигмы “транзита”, применяемые к национальному строительству и адаптации этнического плюрализма. Такой под-

¹ Здесь следует отметить, что Геро Эрдманн и Ульф Энгель проводят различие между “клиентелизмом” как отношениями персональной лояльности и зависимости и “патронатом” как отношениями перераспределения ресурсов в пользу тех или иных групп [Erdmann, Engel, 2007: p. 107].

ход точнее было бы назвать “реформистским”. В его основе лежит представление о трансформации исходного порядка (как правило, оцениваемого негативно по тем или иным параметрам) посредством целенаправленного внедрения и развития (обычно усилиями государства) новых институтов для перехода к желаемому состоянию. Исходная ситуация может маркироваться как последствия колониального или имперского правления, как состояние конфликта и нестабильности, как посттоталитарное общество, нуждающееся в “реформах”. Конечный же пункт может обозначаться в зависимости от местной конъюнктуры и авторских пристрастий как полноценное “национальное государство” [Kuzio, 2001], “полиэтническая гражданская нация” [Тишков, 2013], “демократическая система регулирования межнациональных отношений” и т. п. [Абдулатипов, 2007; Антонюк, 2005]. Переход, в свою очередь, награвждается такими определениями, как “национальное возрождение”, “национальная консолидация”, “внедрение демократических стандартов национальной политики” и т. п. Во всех случаях предлагается механистический и нормативно нагруженный подход. Вопросы о состоянии и характеристиках общества подменяются обсуждением деталей перехода, траектория которого воспринимается как данность, а исходный и конечный пункты описываются в соответствии с априорно принятой нормативной моделью. Сам же процесс трансформации видится как освоение идей и институтов, привнесенных внешним по отношению к данному обществу авторитетом (правительством или “международным сообществом”).

С подачи западных авторов в постсоветских странах в 1990-е и 2000-е годы все более заметное внимание уделялось внешнему воздействию, а именно внедрению норм по “защите меньшинств”, предлагаемых международными организациями, и импорту соответствующих механизмов из развитых капиталистических стран (см. напр.: [Kymlicka, Opalski, 2001]). Среди других вариантов следует отметить публикации, посвященные противодействию расизму или ксенофобии [Шнирельман, 2011]; в этих случаях, как правило, также речь идет о сопоставлении тех или иных проявлений с заимствованной извне нормативной моделью. В качестве своеобразного варианта использования транзитной парадигмы в этнических исследованиях можно рассматривать работы, посвященные национализму и национальным движениям [Дробужева и др., 1996]. Многие из них пишутся на основании сравнения этнических организаций с идеальной моделью “гражданского общества”, в других речь идет о вычислении “демократического потенциала” национализма в рамках демократических реформ и о том, насколько массовая мобилизация на этнической основе вписывается в рамки демократического участия.

Второй подход основан на дискурсивном тренде, который Роджерс Брубейкер обозначил как “группизм” [Brubaker, 2002: p. 163]. Он предполагает не критичное отношение к этническим группам как к самоочевидным структурным единицам общества и субъектам социальных отношений, мотивации и модели поведения которых универсальны и инвариантны. Такой подход вполне совместим с транзитивной или реформистской парадигмой. Если в конкретных публикациях отсутствует телеологический уклон, если задачи общественных трансформаций не акцентируются, то описание чаще всего делается с точки зрения регулирования конфликта между этническими общностями (см. напр.: [Аствацатурова, 2002]) или, напротив, управления этническими отношениями, то есть инкорпорации проблемных катего-

рий населения в существующую систему управления (см. напр.: [Абдулатипов, 2007]).

В результате оказывается, что попытки анализировать этнические отношения в контексте конкретных обществ с учетом присущей именно им (а не абстрактным моделям) специфики социальной мобильности и политического участия в постсоветских странах крайне редки. Единичные публикации, опирающиеся на конкретные эмпирические исследования (чаще миграционных процессов и этнических организаций), по своему количеству пока что уступают текстам, предлагающим чисто спекулятивный анализ [Дмитриев, 2006] или рассмотрение официальной нормативной базы [Зорин, 2011], общественного мнения [Дробижина и др., 1996] и идеологических процессов [Тишков, 2013]. При поиске оценок социального значения этнических разделений или политической роли этничности в имеющейся литературе чаще можно встретить, скорее, априорные суждения, опирающиеся на представления об этнических группах как вертикально интегрированных корпорациях [Туровский, 2005] либо же как своего рода классах, занимающих определенную — формально и неформально — нишу в системе распределения благ [Кордонский, 2008; Афанасьев, 2000¹]. Однако эмпирических данных, которые позволяли бы оценивать данные модели, мало, а те, что имеются, скорее их опровергают, поскольку социально-классовые и профессиональные разделения не совпадают с этническими (см.: [Дробижина, 2002]). В целом можно утверждать, что возможные корреляции показателей социальной мобильности и общественного участия с этническими различиями в постсоветском пространстве остаются неизученными. В этом отношении пока не приходится говорить о принципиальных различиях между местными авторами, работающими непосредственно в постсоветских странах, и их зарубежными коллегами из Западной Европы и Северной Америки.

В определенной степени исключением можно считать ряд публикаций, посвященных режимам власти и участия в общественной жизни в республиках в составе Российской Федерации. Традиционно республики, а также Еврейская автономная область и автономные округа воспринимаются в академической литературе как политические единицы на этнической основе, или как форма организации определенной “титульной” этнической группы и/или для этой этнической группы [Alexseev, 2010]. Соответственно, отношения между руководством определенной республики и ее жителями, особенно “титульной” этничности, ряд аналитиков рассматривают как патронат, в рамках которого предоставление ресурсов населению и создание привилегированных условий для “титульной” группы со стороны местной элиты обменивается на электоральную поддержку [Hale, 2007: p. 231]. Подобные заключения опираются на доступную электоральную статистику², но в целом этнические отношения в российских республиках приходится считать недостаточно изученными [Hale, 2007: p. 245–246].

¹ Точнее, у М.Н.Афанасьева речь идет об “этнических” республиках в составе РФ [Афанасьев, 2000: с. 189–191, 208–209].

² Попросту говоря, территории с преобладанием “титульных” этничностей показывают более высокую степень электоральной лояльности любой действующей власти [Alexseev, 2010; Hale, 2007].

В таких условиях пока приходится только оценивать приоритетные направления и возможности дальнейших исследований, посвященных роли этничности и этнических различий в социальных и политических системах постсоветских государств. Можно предположить, что вполне многообещающими, как и в исследованиях советского общества, остаются две общие перспективы: изучение режимов (то есть динамики элит, способов правления и форм легитимации) и институтов (устойчивых и воспроизводящихся паттернов социального взаимодействия). Предварительно можно показать, в каких областях и применительно к каким феноменам неопатримониализм пригоден для изучения и описания этнических отношений.

Основной сущностной чертой неопатримониального общества и неопатримониального политического режима являются сети патрон-клиентских отношений¹, внутри которых происходит обмен ресурсами на лояльность. Здесь для исследователя возникает соблазн реифицировать этнические группы и видеть в них оболочки для клиентел, формируемых на этнической почве, иными словами, априори усматривать в этничности основу для “кланов” и “общин”. В постсоветском пространстве можно найти иллюстрации подобного, но они локальны и ограничены числом.

В терминологии Эрдманна и Энгеля [Erdmann, Engel, 2007: p. 107], важно проводить различие между “патронатом”, то есть механизмами распределения ресурсов и власти между сегментами населения и соответственно обеспечения лояльности последних, и “клиентизмом” межличностных обменов и лояльностей. В постсоветском пространстве мы тоже сталкиваемся с ограниченностью доступного эмпирического материала, если пытаемся следовать предположениям, что ресурсы распределяются между этническими группами, выступающими в этой связи в качестве своеобразных социальных классов, или что сети лояльности опираются на этническую солидарность. Если принимать в расчет только имеющиеся эмпирические исследования, то оказывается, что при описании социальной мобильности в “национализирующихся” государствах и при анализе социальных сетей мигрантов тема затрагивается только фрагментарно.

На основе имеющихся исследований и наблюдений можно утверждать, что этническая сегментация прослеживается в ограниченном круге ситуаций — условно говоря, в верхних и нижних социальных стратах. С одной стороны, так называемые титульные этнические группы оказываются непропорционально представленными в управленческой и политической элите (иногда также бизнесе и ряде престижных профессий) ряда независимых постсоветских государств [Vetik, Helemde, 2011] и некоторых республик в составе РФ [Михайлов, 2004]. С другой стороны, некоторые “новые меньшинства”, или мигрантские группы концентрируются в некоторых сегментах рынка труда — обычно в неквалифицированных и низкооплачиваемых секторах сферы услуг и строительства [Мукомель, 2005; Зайончковская, 2009]. Здесь возникает вопрос, можно ли рассматривать этнические группы в качестве расширенных клиентел и адресатов распределительной политики в рамках неопатримониальной модели.

---

¹ Здесь можно пренебречь различиями в содержании категорий “патронат” и “клиентела”.

Чаще всего, как говорилось выше, упоминаются республики в составе РФ, но остается открытым вопрос о том, в какой степени и в каких ситуациях “титულную” этничность можно рассматривать как особую категорию, включенную в патронатные отношения. Республики в РФ сильно отличаются одна от другой; далеко не во всех случаях можно говорить о том, что “титульные” национальности получают заметные преимущества, в частности, в отношении пользования местными языками [Osipov, 2015: p. 187–191]. Соответственно, не ясно, когда можно говорить о патронате, а когда только об идеологической мотивации избирателей, в принципе поддерживающих идею “своей” государственности.

Гораздо чаще в постсоветском пространстве прослеживаются ситуации, в которых, несмотря на сложный этнический состав населения, а также различия социальных позиций и предположительно политических интересов разных этнических групп, политического разделения и мобилизации по этническим линиям не наблюдается. Скорее напротив, чаще встречается политическая пассивность и конформизм, а активизм принимает более сложные конфигурации, нежели объединение по этническому признаку [Gorenburg, Giuliano, 2012].

В этом отношении интересен феномен такого региона, точнее, непризнанного государства, как Приднестровье, или Приднестровская Молдавская Республика (ПМР). Население региона полиэтнично, и основные этнические группы — молдаване, русские и украинцы — имеют примерно равный демографический “вес” [Население Приднестровья, 2005]. По формальным причинам можно было бы ожидать если не внутренней конфронтации в регионе, то серьезного расхождения политических предпочтений, по крайней мере между молдаванами и славянским населением. В целом в Молдове конкурируют разные исторические нарративы, а многократно провозглашенная официально идея присоединения ПМР к России предположительно должна вызывать неодинаковое отношение со стороны разных этнических групп. Разного отношения можно было ожидать и к возникновению и развитию независимой Молдовы и к вооруженному конфликту 1991–1992 годов из-за статуса региона [Поцелуев, 2013; Sojocaru, 2006]. Хотя три основных языка региона — молдавский, русский и украинский — провозглашены в Конституции и законодательстве ПМР официальными и равными, в действительности доминирует русский язык, а два других остаются в маргинальном положении [Hammarberg, 2013: p. 35–36; Comai, Venturi, 2015]. При этом область функционирования молдавского языка оказывается уже, чем в Молдавской ССР перед распадом Советского Союза, хотя именно маргинализация молдавского/ румынского языка послужила в свое время, в конце 1980-х, мощным стимулом для молдавского национального движения [Roper, 2001]. Стоит отметить и относительно слабую статистическую представленность молдаван в органах государственной власти ПМР, в том числе на выборных позициях [Protsyk, 2009].

На практике же приднестровская государственность, несмотря на отсутствие международного признания и на потенциальные внутренние расколы, показывает способность к выживанию и устойчивость на протяжении более двадцати лет. Одной из причин этой устойчивости, как подтверждает большинство экспертов, является поддержка приднестровской независимости всеми основными этническими сегментами [Blakkisrud, Kolsto,

2011]. При этом в ПМР нет системы power-sharing, которая институционально поддерживала бы баланс между этническими группами, а претензии лояльных властям этнических организаций на представительство “своих” групп можно поставить под вопрос [Protsyk, 2012: p. 179].

Массовую поддержку приднестровской государственности со стороны разных этнических групп можно было бы объяснить тем, что авторитарный режим обладает значительными ресурсами доминирования, в первую очередь эффективными репрессивными механизмами [Troebst, 2004]. Подобное объяснение не до конца убедительно, по крайней мере в силу двух обстоятельств. Во-первых, правящий режим в ПМР не монолитен; в его рамках возможна внутриэлитная конкуренция, что показали, в частности, президентские выборы 2011 года, в результате которых победу одержал оппозиционный кандидат. Во-вторых, оппозиция режиму и мобилизация на этнической основе оказываются в принципе возможными, хотя и вызывают сильное противодействие со стороны властей. Это иллюстрирует, в частности, существование с начала 1990-х годов на территории ПМР школ, подчиняющихся Министерству образования Республики Молдова с преподаванием на молдавском языке на основе латинского алфавита — при том, что такая комбинация фактически запрещена приднестровским законодательством. Число учащихся в этих школах меньше, чем в школах под юрисдикцией ПМР с преподаванием молдавского языка, и как администрации школ, использующих латинский шрифт, так и родители учеников сталкиваются с сильным давлением вплоть до задержаний и погромов [Hammarberg, 2013: p. 37; Молдавские школы, 2012]. Тем не менее школы и группы их поддержки в Приднестровье продолжают существовать и действовать более 20 лет.

Исследования приднестровского движения на независимость начала 1990-х годов показали, что массовая мобилизация населения проходила не по этническим, а по социальным линиям вокруг крупных предприятий Левобережья [Mason, 2009: p. 160–162]. Характер политической, а затем и в буквальном смысле военной мобилизации определяли по меньшей мере три обстоятельства. Во-первых, произошла быстрая маргинализация структур Коммунистической партии, которая была дискредитирована с двух сторон — как коррумпированная и консервативная организация, препятствовавшая “обновлению”, и одновременно как союзник молдавских и прорумынских националистов [Mason, 2009: p. 164–165]. Во-вторых, большим весом, чем собственно территориальные организации КПСС, обладали предприятия союзного подчинения, расположенные на молдавском Левобережье [Толкачева, 2004: с. 94–97; Sojosa, 2006: p. 263]. Их руководство (из которого в значительной степени формировалась правящая номенклатура советской Молдавии) и созданные при их поддержке Советы трудовых коллективов сумели стать фактически параллельным правительством и сформировать вокруг предприятий “инфраструктуру власти”, если использовать термин Майкла Манна [Mann, 1984]. В-третьих, по стечению обстоятельств сельское население, которое было в значительной степени молдавским по составу, проявило пассивность и в основном осталось в стороне от событий [King, 1999: p. 183; Protsyk, 2009: p. 10].

В результате можно говорить, что мобилизация происходила с привлечением “административного ресурса” вокруг промышленных предприятий и их трудовых коллективов. При этом нельзя утверждать, что политическая

активность не имела отношения к этничности. Мобилизация была ответом на начало процесса “национализации” Молдовы, когда та была еще в составе СССР, в частности, на изменение языкового законодательства и попытки ограничить сферу применения русского языка [King, 1999: p. 178–208; Roger, 2001]. Движение, которое привело к созданию ПМР, стремилось выработать идеологическую и институциональную формулу сосуществования разных этнических групп и языков в регионе, и по результатам более чем двадцатилетней истории непризнанного государства можно утверждать, что эта задача была решена. Другими словами, политический конфликт вокруг языковых и этнических вопросов привел к формированию государственности, и эта государственность и лежащая в ее основе социальная система опираются на патронат и развитые клиентелы — людей, зависимых от государственного аппарата и местных финансово-промышленных корпораций [Vobick, 2011], но эти отношения не означают разделения населения по этническому признаку, хотя идеологическая база легитимности режима включает в себя отчетливое этнополитическое измерение.

В некотором отношении похожий феномен наблюдался в РФ. Как показал ряд исследований последних лет, этнические движения конца 1980-х и начала 1990-х годов в российских республиках мобилизовывались и направлялись руководством регионов, которое стремилось расширить базу собственной поддержки и получить в свое распоряжение новый политический инструмент [Михайлов, 2004; Giuliano, 2006]. Другие общественные движения в тот же период встречали сопротивление сверху и развития не получили; когда же республиканские режимы консолидировались, местные этнические движения были либо лишены административного ресурса и маргинализировались, либо встроились в систему власти.

Предполагаемые случаи клиентелизма на этнической основе тоже вызывают вопросы. Непропорционально большая представленность “титულიной” этничности в системе власти и в бизнесе ряда российских республик может быть объяснена разными причинами, и нет четких свидетельств того, что каналы социальной мобильности в этих регионах работают именно за счет этнической солидарности. Имеющиеся данные если и позволяют рассматривать этнические диспропорции в системе власти или на рынке труда как продукт рекрутирования по этническому признаку, то скорее лишь в ограниченном перечне ситуаций. Открытая и эмпирически доказуемая этническая дискриминация, тем более проводимая средствами государственного аппарата, остается редким явлением [Осипов, 2012b: с. 64–101, 150–164]. Непропорционально высокая представленность “титульных” этнических групп в ряде российских республик объясняется в первую очередь рекрутированием кадров на основе персональных сетей; так как номенклатура в республиках в советское время целенаправленно формировалась так, чтобы обеспечивать численный перевес “титульным” национальностям, этот паттерн продолжает устойчиво воспроизводиться и после распада советской системы [Сергеев, Салагаев, 2010]. В данной ситуации мы действительно можем говорить о проявлении неопатримониальных отношений, но скорее на уровне персональных клиентел, а не “классового” патроната.

В таком контексте упоминания чаще всего заслуживает российский Северный Кавказ, где социальная мобильность определяется принадлежностью человека к аскриптивной категории (что внешне выглядит как этничес-

кое происхождение) [Ware, Kisriev, 2010] или сети мигрантов [Мукомель, 2005; Зайончковская, 2009]. Можно было бы рассматривать в качестве аналогичного феномена самоорганизацию крымских татар в рамках Курултая и Меджлиса в Украине [Бекірова, 2011], но о том, как реально формируются и функционируют эти организации, пока что накоплено недостаточно данных.

Там, где наблюдаются различия в социальной мобильности этнических групп, в частности, в доступе на рынок труда, их проще объяснять сетевыми эффектами и результатом накопления социального капитала, нежели редистрибутивной политикой национальной или субнациональной элит. Напротив, есть больше оснований утверждать, что неопатримониализм как политический режим и социальная система на уровне средних страт ограничивает этническую сегментацию общества, так как унаследованные от советского времени социальные разделения не совпадают с этническими, а клиентелы формируются на профессиональной, политической и территориальной основе.

В качестве еще одного феномена, позволяющего применять понятие клиентелы в качестве инструмента объяснения, могут рассматриваться формальные организации меньшинств (в большинстве своем — этнокультурные общества). Во всех постсоветских странах (кроме, вероятно, Туркмении) существуют многочисленные этнические организации. Их вовлеченность в политику в смысле выдвижения требований, касающихся основ официальной языковой и этнической политики, имевшая место в начале 1990-х годов, впоследствии сократилась или сошла на нет. Ссылки на авторитарные тенденции в большинстве этих стран, будучи, безусловно, справедливыми, также не выглядят как достаточные объяснения. В частности, этнокультурные организации в России, за единичными исключениями, выражают лояльность региональным и федеральным властям по всем вопросам, по которым имеют возможность высказаться. Это можно объяснить жестким административным контролем, но в 1990-е годы при гораздо более либеральном режиме эти же организации демонстрировали такую же модель поведения. Этнокультурные общества, если их отделить от политических партий и правозащитных организаций, опирающихся на меньшинства, в таких государствах с относительно высоким уровнем обеспечения политического плюрализма и гражданских свобод, как страны Балтии, Молдова, Украина, Грузия, также показывают высокую степень лояльности предлагаемой правительствами повестке “национализации”.

Особенно показательны в этом ряду организации, создаваемые при поддержке и патронате со стороны официальных властей — так называемые съезды народов и многоэтничные ассамблеи. Первые существуют в основном в России; в числе “съездов” здесь рассматриваются только этнические организации, формируемые на основе массовых избирательных процедур и существующие на постоянных началах, но не разовые мероприятия [Осипов, 2012а]. В РФ на регулярных началах более 15 лет существовали или до сих пор существуют 13 этнических съездов (Всемирный Курултай башкир, Всемирный Конгресс татар, Конгресс коми народа и др.), из них 11 представляют или представляли так называемые титульные национальности российских республик. “Съезды” или “конгрессы”, оставаясь неправительственными организациями, видящие себя как высшие представительные структуры “своих” этнических групп в силу того, что делегаты “съездов” как

“общенародных” ассамблей избираются (теоретически) всеми желающими, относящимися к соответствующей группе. Как правило, выборы делегатов проходят по двухступенчатой схеме: избиратели соответствующей этнической принадлежности, члены их семей, а также все участвующие в движении могут принять участие в предвыборных собраниях и проголосовать за выборщиков; в свою очередь, региональные конференции выборщиков избирают делегатов на съезд. Съезд в качестве разовой ассамблеи собирается, как правило, при участии региональных властей и формирует постоянные органы “съезда” в понимании данного движения (или “съезда” как движения). В долгой истории российских “съездов” примечательно то, что они лояльны властям (более того, они обычно властями же поддерживаются и финансируются) и никогда не служат площадками для оппозиционной деятельности; по крайней мере такие попытки неизвестны [Осипов, 2012а].

Многоязычные коалиции начали формироваться “сверху” в РФ и Казахстане в середине 1990-х годов; в России были созданы вначале региональные Ассамблеи народов, затем федеральная Ассамблея народов России¹. В Казахстане при непосредственном участии администрации Президента была сформирована Ассамблея народов Казахстана (с 2007 года — Ассамблея народа Казахстана)². Если в России федеральная и региональные ассамблеи являются общественными организациями, членами которых состоят этнокультурные общества и в порядке исключения физические лица, то казахстанская общенациональная Ассамблея работает как государственный орган, члены которого назначаются Президентом страны. Аналоги подобных органов, совмещающие российские и казахстанские черты, есть также в Беларуси и Кыргызстане. В Беларуси при Уполномоченном по делам религий и национальностей действует Межэтнический консультативный совет³. В его состав входят только назначаемые представители (как правило, руководители) общенациональных этнокультурных обществ, причем одну национальность представляет только одна организация. В Кыргызстане есть Ассамблея народов Кыргызстана, состоящая из руководителей национальных этнокультурных обществ (также по принципу: одна национальность — один представитель), а также трех местных многонациональных клубов; кроме того, по должности в нее входят несколько официальных должностных лиц⁴.

Похожие структуры есть и в других постсоветских государствах, где в их отношении обычно прослеживается меньшая степень государственного диктата. Как правило, в большинстве этих стран созданы консультативные органы типа советов или круглых столов по делам меньшинств; а этнокультурные общества формируют свои собственные независимые от государства коалиции на общенациональном и региональном уровнях. В частности, в Молдове при Бюро межэтнических отношений действует Консультативный совет, в

1 Описание организации приведено на ее официальном сайте: www.anrorg.ru.

2 Описание Ассамблеи и ее функций есть на официальном сайте организации: <http://www.assembly.kz/pravovaya-baza-ank.html>.

3 Описание приводится на официальной веб-страничке аппарата Уполномоченного по делам национальностей и религий (см.: http://www.belarus21.by/ru/main_menu/nat/consultation_centre).

4 См. официальный веб-сайт: <http://www.assembly.kg/>.

который входит более ста этнических организаций¹. В Украине есть четыре общенациональные ассоциации этнических организаций; подобные ассоциации создаются и на областном уровне, например в Одесской области. Представители этих же организаций обычно участвуют в консультативных советах при органах законодательной или исполнительной власти.

При всех формальных различиях между многоэтническими коалициями и консультативными советами, а также различиях в положении и интересах разных входящих в них организаций, как правило, эти структуры всегда проявляют лояльность в отношении повесток, предлагаемых государством, и никогда не используются в качестве основы для публичных кампаний или публичного протеста. Причины устойчивости и массовой распространенности этих организаций, так же, как и “съездов народов” и просто этнокультурных обществ, остаются под знаком вопроса, поскольку детальных исследований, показывающих механизмы формирования и деятельности таких структур, до сих пор не проводилось.

Пока что в качестве правдоподобной гипотезы, не противоречащей имеющимся данным, можно предложить двухступенчатую схему патрон-клиентских отношений. Для руководства этих организаций (представленного предпринимателями, действующими или отставными чиновниками, политиками и деятелями культуры) их формальный статус означает дополнительный канал коммуникации с публичной властью и дополнительные возможности лоббирования. Но эти возможности предоставляются только в обмен на лояльность, что требует полного согласия с предлагаемыми повестками и протоколами и полного исключения политизации в смысле заявления несанкционированных или противоречащих используемому протоколу требований. В свою очередь, руководители этнокультурных организаций формируют собственные клиентелы, которые могут использовать свое участие в этих сетях для решения частных проблем. При этом получение дополнительных возможностей для социальной мобильности и накопления социального капитала обусловлено лояльностью патрону и той линии поведения по отношению к вышестоящей власти, которую тот выбирает, то есть, как правило, лояльностью существующему порядку. Это и позволяет объяснить отсутствие или слабость независимых движений на этнической основе и лояльность формальных организаций меньшинств официальной власти. Этничность элитных групп выступает здесь как ресурс, конвертируемый в политический и символический капитал благодаря включенности в патронатные отношения с государственными структурами. Таким образом, организованная активность на этнической основе развивается только в обмен на политическую лояльность.

Аналогичный механизм выстраивания двухуровневой лояльности и двухуровневого патроната можно обнаружить в рамках партийных систем, особенно там, где политические партии играют роль каналов мобильности и источника дополнительных “политических” и “административных” ресурсов. Люди — как правило, успешные предприниматели, являющиеся по происхождению представителями меньшинств, — ищут возможности укрепить позиции своего бизнеса путем вхождения в структуры законодательной и пред-

---

¹ См.: <http://www.bri.gov.md/index.php?pag=sec&id=91&l=ru>.

ставительной власти. Предприниматель фактически покупает место в избирательном списке партии, и политические партии охотно идут на это, предполагая получение дополнительной спонсорской помощи и мобилизацию соответствующего “этнического” электората. Сам предприниматель, получая депутатский мандат, использует “этнический” ресурс в “большой” политике, как правило, в тех пределах, которые допустимы с точки зрения партийного руководства, но не тех, которых требует защита “этнических” интересов. В свою очередь, доступ к политическому или административному ресурсу позволяет выстраивать “этническую” клиентелу из людей, которые будут поддерживать этнически “своего” депутата, ожидая от него благоприятного для себя поведения на основе этнической солидарности. Подобные отношения выстраиваются, в частности, в рамках политических партий России, Украины, Молдовы и балканских стран [Protsyk, Maticescu, 2011; Schlegel, 2014].

Следующий вопрос касается институционализации этничности в политическом и правовом поле. Институционализацию можно понимать как возникновение и консолидацию институтов, или, если использовать определение С.Хантингтона, “процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость” [Хантингтон, 2004: с. 32]. Если избегать реификации и не стремиться априори рассматривать этническую проблематику как отношения между “общинами”, то институционализацию этничности можно определять как формирование устойчивых правил, регулирующих коллективные действия, включая способы репрезентации и легитимации, связанные с этническими делениями.

Чертой неопатримониалистских режимов (а по мнению некоторых авторов, и сущностной характеристикой — см.: [Erdmann, Engel, 2007: p. 114]) является синтез формальных и неформальных “правил игры”, и это обстоятельство позволяет объяснить особенности постсоветской институционализации этничности в политико-правовом поле. Как правило, она характеризуется, во-первых, “размытой легальностью” [Cohn, 2001], то есть формальными нормами, лишенными определенного содержания, открытыми для интерпретаций, не выполняющими регулятивных функций или стимулирующими внеправовое поведение. Во-вторых, формальные институты могут рассматриваться как внешняя оболочка властных отношений, связанных с определением роли этничности и этническими разделениями, или как внешний “перформанс”. При этом формальные институты, структурирующие политику управления этническим разнообразием, относятся преимущественно к области так называемого символического производства (в терминах Бурдьё), или производства смыслов [Bourdieu, 1993].

На практике это означает, что даже развитый корпус декларативного законодательства о равенстве и недискриминации, о языках, культурной политике, структурах территориальной автономии оставляет широкую свободу трактовки правоприменителям, руководствующимся собственными представлениями о целесообразности и неформальными договоренностями элитных групп. Этим же объясняется внешнее сходство этнокультурной политики и соответствующего законодательства в постсоветских странах с системой защиты меньшинств, используемой “старыми” европейскими демократиями и продвигаемой международными организациями.

Имитационный характер законодательства и ограниченная действенность формальных институтов тесно связаны с феноменом “системного ли-

цемерия” — разрывом между риторикой и действиями организаций, прежде всего публичной власти, или противоречиями между деятельностью разных частей одной организации [Brunsson, 2009]. Здесь можно отметить такой феномен, как разрыв между формальным законодательством, утверждающим приоритет единственного государственного языка, и неформализованным регулированием языковой ситуации, которое допускает широкое двуязычие (то есть широкое использование русского языка как “языка межнационального общения”) [Polese, 2011].

При этом можно говорить, во-первых, о своеобразном синтезе рационально-легальной и харизматической форм легитимации публичных институтов, который был свойствен советской системе и наблюдается в постсоветских странах. Этот синтез проявляется в том, что действия власти оправдываются не соответствием их формальной, рационально обоснованной процедуре, но направленностью на достижение целей, значимость которых воспринимается как данность и не ставится под вопрос [Rigby, 1990: p. 86–87, 164, 169].

Наряду с этим происходит возврат к “традиционной” (в веберовском смысле) легитимации публичных институтов, которая обычно является атрибутом патримониального управления. Социальные институты не рационализируются, а воспринимаются как данность или как феномены, подчиняющиеся квазиестественным законам. Этим, например, можно объяснить слабую отрефлексированность в общественном сознании и общее приятие идей этнической государственности (в частности, “этнического федерализма” российского образца) или этнических иерархий с предоставлением (по крайней мере символических) привилегий “коренным” или “титულным” этничностям, а также отнесение этнической политики к области узко понимаемой “культуры” или абстрактного “этнического развития”. Стоит подчеркнуть, что возрождение традиционной легитимации в условиях современности отметил еще Кеннет Джовитт на примере советской внутренней политики, обозначив этот феномен как “неотрадиционализм” [Jowitt, 1992: p. 121–158].

Всеми перечисленными выше обстоятельствами объясняются успехи “национализирующей политики” [Brubaker, 2012], то есть политики создания “национальных” в этническом смысле государств с обеспечением символических и институциональных преимуществ “титулным” этническим группам. Такая политика в большинстве постсоветских стран, а также республик РФ практически не вызывает контрмобилизации, и подобную ситуацию можно интерпретировать как успех “традиционной” легитимации, кооптации лидеров меньшинств с помощью патронатных механизмов и политики обмена ресурсов на лояльность.

В результате можно сделать вывод о том, что такая теоретическая рамка, как неопатримониализм, открывает новые возможности для изучения этнических отношений. Эти возможности могут быть реализованы при двух условиях: (1) при постоянном учете того, что неопатримониализм означает выстраивание системы контроля и гегемонии на основе разных властных инструментов и стратегий, (2) и в случае отказа от “группизма” и априорного рассмотрения этнических групп в качестве основы патрон-клиентских сетей и адресатов распределительной политики. Изучение неопатримониализма как социального порядка позволяет учесть особенности формирования клиентел и политики распределения ресурсов в целях обеспечения ло-

ьяльности. Особенности неопатримониализма как политического режима позволяют лучше понять механизмы политической мобилизации, кооптирования этнических элит, институционализации этничности и формирования системы гегемонии в рамках “национализирующихся” или “многонациональных” (в зависимости от местного контекста) государств.

Важный исследовательский вопрос относится к возможностям неопатримониалистских механизмов в обеспечении стабильности и защиты основных прав лиц, относящихся к меньшинствам. С учетом того, что в условиях неопатримониальных режимов рационально-легальные институты не обязательно являются только имитациями или внешними оболочками неформальных отношений, но обладают собственной функциональностью [Bach, 2011; Erdmann, Engel, 2007], формальные нормы и организационные структуры, призванные обеспечивать равенство граждан перед законом, поддерживать культуры меньшинств и создавать каналы коммуникации властей с этническими активистами, в принципе могут исполнять эти задачи. Это вполне реально там, где не затрагивается основной политический процесс, который в условиях неопатримониализма означает “борьбу фракций неопатримониалистской бюрократии за монополизацию тех или иных сегментов клиенталистско-патримониальных сетей, их изменение и перераспределение” [Фисун, 2006: с. 172].

Другой вопрос касается того, насколько подобные неопатримониалистские отношения, определяющие институционализацию этничности, уникальны и могут ли они проявляться вне постсоветского контекста. В этой связи важна мысль М.Вебера о том, что механизмы патримониального господства и, в частности, традиционной легитимации могут возникать и действовать в разных социальных условиях [Чайко, 2013: с. 137]. Можно предположить, что отношения внутри формальных этнических организаций и их взаимодействия с органами публичной власти и в более широких географических рамках могут включать патронатно-клиентские сети и обмен ресурсами на лояльность. Сопутствующими обстоятельствами для этих моделей могут быть неформальные договоренности, аналоги постсоветского “системного лицемерия” и варианты “традиционной” легитимации публичных институтов.

Источники

Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации: концепции, практика, реализация, перспективы / Р.Г. Абдулатипов. — М. : Классик Стиль, 2007. — 551 с.

Антонюк О.В. Основы этнополітики / О.В. Антонюк. — К. : МАУП, 2005. — 432 с.

Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации. Формирование и управление — Северо-Кавказский регион / М.А. Аствацатурова. — Ростов н/Д ; Пятигорск : Северо-Кавказ. академия гос. службы, 2002. — 627 с.

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность / М.Н. Афанасьев. — 2-е изд. — М. : МОНФ, 2000. — 317 с.

Бекірова Г. Основні події та тенденції в розвитку кримськотатарського національного руху, громадських і громадсько-політичних організацій кримських татар (серпень 2010 – жовтень 2011 року) / Г. Бекірова // Політична мапа Криму: 2010–2011. Процеси і тенденції. — Київ ; Сімферополь : Агентство “Україна”, 2012. — С. 37–57.

Беспамятных Н. Политика управления этнокультурным разнообразием в Беларуси, Молдове и Украине: между советским наследием и европейскими стандартами / [Н. Беспамятных, А. Василевич, А. Осипов, Ф. Прина, И. Пушкин]. — Вильнюс : ЕГУ, 2014. — 300 с.

Вебер М. Традиционное господство / М. Вебер // Прогнозис. — 2007. — № 2. — С. 150–165.

Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. Восленский. — М. : Октябрь : Советская Россия, 1991. — 622 с.

Гайденко П.П. Проблема бюрократии у Макса Вебера / П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов // Вопросы философии. — 1991. — № 3. — С. 174–182.

Гельман В.Я. “Подрывные” институты и неформальное управление в современной России / В.Я. Гельман // Полития. — 2010. — № 2 (57). — С. 6–24.

Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение / А.В. Дмитриев. — М. : Альфа-М, 2006. — 430 с.

Дробижева Л.М. (ред.) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Л.М. Дробижева. — М. : Academia, 2002. — 475 с.

Дробижева Л.М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / [Л.М. Дробижева, А.Р. Аклаев, В.В. Коротева, Г.У. Солдатова]. — М. : Мысль, 1996. — 381 с.

Зайончковская Ж.А. (ред.) Иммигранты в Москве / Ж.А. Зайончковская. — М. : Три квадрата, 2009. — 269 с.

Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность / В.Ю. Зорин. — М. : ИЭА РАН, 2011. — (Серия : Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — № 225).

Капустин Б.Г. Конец “транзитологии”? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия / Б.Г. Капустин // Полис. — 2001. — № 4. — С. 6–26.

Кордонский С.Г. Словная структура постсоветской России / С.Г. Кордонский. — М. : Ин-т фонда “Общественное мнение”, 2008. — 216 с.

Масловский М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология / М.В. Масловский. — Нижний Новгород : [б. и.], 1997. — 87 с.

Михайлов В.В. Республика Татарстан: демократия или суверенитет? / В.В. Михайлов. — М. : ПМЛ Ин-та Африки РАН, 2004. — 466 с.

Молдавские школы с латинской графикой в Приднестровье. История вопроса, текущее положение, анализ и рекомендации [Электронный ресурс]: отчет. — 2012. — Ноябрь. — Гаага : ВКНМ ОБСЕ. — Режим доступа : <http://www.osce.org/ru/moldova/99062>.

Мукомель В.И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты / В.И. Мукомель. — М. : Диполь-Т, 2005. — 350 с.

Население Приднестровья по переписи 2004 года [Электронный ресурс] // Demoscope-Weekly. — 2005. — № 213–214. — Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2005/0213/panogm01.php#2>.

Осипов А.Г. Автономия, представительство, участие: феномен “съездов народов” в России / А.Г. Осипов // Мир России. — 2012. — № 4. — С. 111–131.

Осипов А.Г. Этничность и равенство в России: особенности восприятия / А.Г. Осипов. — М. : Сова, 2012. — 200 с.

Панов П.В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника / П.В. Панов // Политическая экспертиза. — 2010. — № 3. — С. 19–33.

Поцелуев С.П. “Нация” как незаконный и анонимный концепт (к вопросу о национальном строительстве в постсоветских государствах де-факто) / С.П. Поцелуев // Философия права. — 2013. — № 6 (61). — С. 90–94.

Рябов А. Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций [Электронный ресурс] / А. Рябов // Polit.ru. — 2010. — 12 авг. — Режим доступа : <http://www.polit.ru/article/2010/08/12/riabov/>.

Сергеев С.А. Новые маски, старые роли: трансформация провинциальной номенклатуры [Электронный ресурс] / С.А. Сергеев, А.Л. Салагаев // Политическая экспертиза. — Режим доступа : <http://www.politex.info/content/view/694/30/>.

Снеговая М. Неопатримониализм и перспективы демократизации [Электронный ресурс] / М. Снеговая // Отечественные записки. — 2013. — № 6 (57). — Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2013/6/неопатримониализм-и-перспективы-демократизации>.

Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В.А. Тишков. — М. : Наука, 2013. — 648 с.

Толкачева А.В. Советское институциональное наследие и постсоветские конфликты: случаи Крыма и Приднестровья / А.В. Толкачева // Политическая наука. — 2004. — № 3. — С. 86–103.

Туровский Р. Принесенные ветром [Электронный ресурс] / Р. Туровский // Политический журнал. — 2005. — № 29 (80). — Режим доступа : <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&issue=119&tek=4183&dirid=67>.

Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации / А.А. Фисун. — Харьков : Константа, 2006. — 352 с.

Фурман Д. Общее и особенное в политическом развитии постсоветских государств / Д. Фурман // Пути российского посткоммунизма. — М. : Изд-во Р. Элинина, 2007. — С. 234–272.

Хлопин А.Д. Гражданское общество или социум клик: российская дилемма / А.Д. Хлопин // Полития. — 1997. — № 3. — С. 7–28.

Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России / К.Г. Холодковский // Политические исследования. — 2009. — № 2. — С. 7–22.

Чайко И.В. Проблемы исследования режимных трансформаций, или неопатримониальная альтернатива транзитологии / И.В. Чайко // Политическая концептология. — 2013. — № 1. — С. 131–143.

Шнирельман В.А. “Порог толерантности”: Идеология и практика нового расизма: в 2 т. / В.А. Шнирельман. — М. : Новое литературное обозрение, 2011. — 549 с. ; 852 с.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. — М. : Аспект-пресс, 1999. — 415 с.

Alexseev M.A. Majority and Minority Xenophobia in Russia: The Importance of Being Titulars / M.A. Alexseev // Post-Soviet Affairs. — 2010. — № 26 (2). — P. 89–120.

Bach D.C. Patrimonialism and neopatrimonialism: comparative trajectories and readings / D.C. Bach // Commonwealth and Comparative Politics. — 2011. — № 49 (3). — P. 275–294.

Blakkisrud H. From Secessionist Conflict Toward a Functioning State: Processes of State- and Nation-Building in Transnistria / H. Blakkisrud, P. Kolsto // Post-Soviet Affairs. — P. 178–210.

Bobick M. Profits of Disorder: Images of the Transnistrian Moldovan Republic / M. Bobick // Global Crime. — 2011. — № 12 (4). — P. 239–265.

Bourdieu P. The Field of Cultural Production: Essays on Art and Literature / P. Bourdieu. — L. : Polity Press, 1993. — 322 p.

Bratton M. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa / M. Bratton, N. van de Walle // World Politics. — 1994. — № 46 (4). — P. 453–489.

Brubaker R. Ethnicity without groups / R. Brubaker // Archive Europeenne de Sociologie. — 2002. — Vol. XLIII (2). — P. 163–189.

Brubaker R. Nationalizing States Revisited : Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. — 2012. — № 34 (11). — P. 1785–1814.

Brunsson N. Reform as Routine. Organizational Change and Stability in the Modern World / N. Brunsson. — Oxford : Oxford University Press, 2009. — viii, 166 p.

Carothers T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers // Journal of Democracy. — 2002. — № 13 (1). — P. 5–21.

Cohn M. Fuzzy Legality in Regulation: The Legislative Mandate Revisited / M. Cohn // Law and Policy. — 2001. — № 23 (4). — P. 469–497.

Cojocaru N. Nationalism and Identity in Transnistria / N. Cojocaru // Innovation: The European Journal of Social Science Research. — 2006. — № 19 (3–4). — P. 261–272.

Comai G. Language and education laws in multi-ethnic de facto states: the cases of Abkhazia and Transnistria / G. Comai, B. Venturi // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. — 2015. — № 43 (6). — P. 886–905.

Derluguian G. Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography / G. Derluguian. — Chicago : University of Chicago Press, 2005. — 416 p.

Eisenstadt S. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism / S. Eisenstadt. — Beverly Hills : CA Sage, 1973. — 95 p.

Ekiert G. Time, space and institutional change in central and eastern Europe / G. Ekiert, S. Hanson // Capitalism and Democracy in Central and Eastern Europe: Assessing the Legacy of Communist Rule. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — P. 15–48.

Erdmann G. Neopatrimonialism Reconsidered: Critical Review and Elaboration of an Elusive Concept / G. Erdmann, U. Engel // Commonwealth and Comparative Politics. — 2007. — № 45 (1). — P. 95–119.

Gel'man V. The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism in Russia / V. Gel'man // Post-Soviet Affairs. — 2016. — № 32 (5). — P. 455–473.

Gill G. The origins of the Stalinist political system / G. Gill. — L. : Macmillan press, 1990. — 472 p.

Giuliano E. Secessionism from the Bottom-Up: Democratization, Nationalism, and Local Accountability in the Russian Transition / E. Giuliano // World Politics. — 2006. — № 58 (2). — P. 276–310.

Giuliano E. The Unexpectedly Underwhelming Role of Ethnicity in Russian Politics, 1991–2011 / E. Giuliano, D. Gorenburg // Demokratizatsiya. — 2012. — № 20 (2). — P. 175–188.

Hammarberg T. Report on Human Rights in the Transnistrian Region of the Republic of Moldova [Electronic resource] / T. Hammarberg // United Nations. — 2013. — 14 February. — Access mode : http://www.un.md/key_doc_pub/Senior_Expert_Hammarberg_Report_TN_Human_Rights.pdf.

Hale H. Correlates of clientelism: political economy, politicized ethnicity, and post-communist transition / H. Hale // Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — P. 227–250.

Hanson S. Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia / S. Hanson. — Cambridge, NY : Cambridge University Press, 2010. — XXVIII, 274 p.

Hughes J. Comparing Regional and Ethnic Conflicts in Post-Soviet Transition States / J. Hughes, G. Sasse // Ethnicity and Territory in the former Soviet Union. — L. : Frank Cass, 2002. — P. 1–35.

Jowitt K. New world disorder : The Leninist extinction / K. Jowitt. — Berkeley, CA : University of California press, 1992. — 345 p.

Jowitt K. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime / K. Jowitt // Soviet Studies. — 1983. — № 35 (3). — P. 275–297.

King Ch. The Moldovans: Romania, Russia, and the politics of culture / Ch. King. — Stanford, CA : Hoover institution press : Stanford University, 1999. — 304 p.

Kitschelt H. Citizen-politician linkages: an introduction / H. Kitschelt, S. Wilkinson // Patrons, Clients, and Policies. Patterns of Democratic Accountability and Political Competition. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — P. 1–49.

Kolsto P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States / P. Kolsto // Journal of Peace Research. — 2006. — № 43 (6). — P. 723–740.

Kuzio T. Transition in Post-Communist States: Triple or Quadriple? / T. Kuzio // *Politics*. — 2001. — № 21 (3). — P. 168–177.

Kymlicka W. Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe / W. Kymlicka, M. Opalski (eds). — Oxford, NY : Oxford University Press, 2001. — 439 p.

Levitsky S. The Rise of Competitive Authoritarianism / S. Levitsky, L.A. Way // *Journal of Democracy*. — 2002. — № 13 (2). — P. 51–65.

Ledeneva A. Russia's Economy of Favours. Blat, Networking and Informal Exchange / A. Ledeneva. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 256 p.

Mann M. The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results / M. Mann // *European Journal of Sociology*. — 1984. — № 25 (2). — P. 185–213.

Mason A.J. Internationalist mobilization during the collapse of the Soviet Union: the Moldovan elections of 1990 / A.J. Mason // *Nationalities Papers*. — 2009. — № 37 (2). — P. 159–176.

O'Donnell G. Illusions about Consolidation / G. O'Donnell // *Journal of Democracy*. — 1996. — № 7 (2). — P. 34–51.

Osipov A. Autonomy as Symbolic Production: the Case of Contemporary Russia / A. Osipov // *Minority Accommodation through Territorial and Non-Territorial Autonomy*. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — P. 179–196.

Parrott B. Perspectives of post-communist democratization / B. Parrot // *Democratization and authoritarianism in postcommunist societies*. — Vol. 3. — Cambridge etc. : Cambridge University Press, 1997. — P. 1–39.

Polese A. Language and Identity in Ukraine: Was it Really Nation-Building? / A. Polese // *Studies of Transition States and Societies*. — 2011. — № 3 (3). — P. 36–50.

Protsyk O. Representation and Democracy in Eurasia's Unrecognized States: The Case of Transnistria / O. Protsyk // *ECMI Working Paper ; No. 40*. — Flensburg : European Centre for Minority Issues, 2008.

Protsyk O. Secession and hybrid regime politics in Transnistria / O. Protsyk // *Communist and Post-Communist Studies*. — 2012. — № 45 (1–2). — P. 175–182.

Protsyk O. Clientelism and Political Recruitment in Democratic Transition: Evidence from Romania / O. Protsyk, M.L. Matichescu // *Comparative Politics*. 2011. — № 43 (2). — P. 207–224.

Rigby T.H. The Changing Soviet System: Mono-Organizational Socialism from Its Origins to Gorbachev's Restructuring / T.H. Rigby. — Aldershot : Edward Elgar, 1990. — 264 p.

Roper S.D. Regionalism in Moldova: The Case of Transnistria and Gagauzia / S.D. Roper // *Regional and Federal Studies*. — 2001. — № 11 (3). — P. 101–122.

Roth G. Personal Rulership, Patrimonialism, and Empire-building in the New States / G. Roth // *World Politics*. — 1968. — № 20 (2). — P. 194–206.

Schlegel S. The state, the border, and the urge to choose a clear-cut ethnic identity in Ukrainian Bessarabia / S. Schlegel // Paper presented at the 1st World Congress of the Association for Borderlands Studies (ABS) "Post-Cold War Borders: Global Trends and Regional Responses", 9–13 June 2014, Joensuu, Finland. — St. Petersburg, Russia.

Theobald R. Patrimonialism / R. Theobald // *World Politics*. — 1982. — № 34 (4). — P. 548–559.

Troebst S. The 'Transnistrian Moldovan Republic', 1990–2002 : From Conflict-Driven State-Building to State-Driven Nation-Building / S. Troebst // *European Yearbook of Minority Issues*. — 2004. — № 2. — P. 5–30.

Vetik R. The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve / R. Vetik, J. Helemae (eds.) // *The TIES Study in Estonia. IMISCOE Reports*. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2011. — 248 p.

Ware R.B. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus / R.B. Ware, E. Kisriev. — Armonk, New York ; London : M.E. Sharpe, 2010. — 367 p.